

изучавшую судетонемецкую народную культуру. В качестве отдельного направления исследователь выделяет этнографически ориентированную славистику, развивавшуюся в рамках Пражского Немецкого университета.

Если анализ эволюции немецкоязычной этнографии Чехии представляет важность в первую очередь для этнографов, то для историков безусловно интересна мысль П. Лозовюка о том, что ученые-этнографы выступали в роли конструкторов коллективной идентичности, т.е. в роли определителей того, что было призвано восприниматься населением как “свое” и “чужое”. Именно этнографы, по мнению автора, внесли большой вклад в “этнизацию” повседневной жизни как немецкоязычного населения Чехии, так и самих чехов.

Работа П. Лозовюка удачно и органично сочетает в себе как изложение узкоспециального материала, касающегося развития немецкоязычной этнографии Чехии, так и учет широкого социального контекста, прежде всего общественно-политических реалий межвоенной ЧСР, в неразрывной связи с которыми находилось становление этнографической науки. Рецензируемая монография вносит большой вклад не только в развитие этнографической науки, но и предлагает свежий и оригинальный взгляд на чешско-немецкие отношения в рамках межвоенной Чехословакии, обогащая существующую историографию данной проблемы.

Остается пожелать, чтобы данный труд, многие положения которого представляются актуальными и для стран постсоветского пространства, где в условиях социально-политической нестабильности и потрясений резко активизировались этнокультурные процессы, был переведен на русский язык и стал более доступным для отечественной читательской аудитории.

ЭО, 2009 г., № 5

© Л.Н. Хаховская. Рец. на: *Е.К. Алексеева. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.)*. Новосибирск: Наука, 2003. 158 с.*

В новосибирском издательстве “Наука” вышла монография Е.К. Алексеевой “Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.)”. Автор рецензируемой монографии полагает, что подобного рода труды необходимы для “самосохранения ... этносов и их этнической культуры”, “возрождения и сохранения традиционных культур народов Севера”, “воспитания национального самосознания молодого поколения” (с. 6). Во “Введении”, в соответствии с устоявшимся каноном, дается краткий историографический обзор, прописаны цель и задачи исследования, методологические подходы и др. Наиболее любопытный и симптоматичный для нас аспект заключается в обосновании выбора временных рамок – по мнению Е.К. Алексеевой, именно в указанный период “наиболее интенсивно протекали этнокультурные процессы на севере Якутии, в результате чего выделились территориальные группы эвенов со своими локальными вариантами культур и особенностями” (с. 11, 12).

Судя по содержанию книги, автор вовсе не стремилась быть понятой в том смысле, что процесс этнообразования, хотя бы и на уровне территориальных групп, во-первых, может быть сколько-нибудь надежно зафиксирован в вещественных источниках; во-вторых, может иметь четкую хронологическую “привязку”, и, в-третьих, вообще ретроспективно принципиально наблюдаем. Скорее, это дань общей тенденции считать рубеж XIX–XX вв. временем существования неких “чистых”, неосложненных внешним вмешательством этнических культур. Этот своеобразный эталонный “узелок” на нити времени как бы подразумевает возможность сравнения, сопоставления с ним тех культурных форм, которые сопровождают предшествующее и дальнейшее развитие этносов. Действительно, в рецензируемой книге содержится разновременной фактический материал, который данная “точка отсчета” помогает организовать; автору, конечно же, не удалось удержаться в рамках заявленной хронологии. Монография охватывает гораздо больший временной отрезок – вплоть до современности. Кроме того, декларируемая

Людмила Николаевна Хаховская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН; e-hil: hamaovskaya@neisri.ru; hahovskaya@mail.ru

приверженность “классическому” периоду, на наш взгляд, имеет в виду и сверхзадачу, и это обстоятельство полезно дополнительно прояснить.

Этнографической науке, по большому счету, и до настоящего времени доподлинно неизвестно, каким образом возникают народы, каковы те движущие силы, которые “запускают” процесс формирования этносов, и какие именно связи “работают” в качестве этнообразующих факторов. К тому же в этногенезе любого народа много темных, а подчас загадочных моментов. Этнологи, по существу, имеют дело с уже “готовыми” народами, в результате их исследований создают “опорные вехи” в виде классических этнографических описаний, большинство из которых, как неоднократно отмечалось, приходится именно на рубеж предыдущих веков. Вместе с тем часто оказывается, что в такой классической картине бывает трудно рассмотреть нити, связывающие ее с ситуациями и отношениями, имевшими место в прошлом. Этнографические реалии прошлого, даже совсем недалекого, оказываются в ней спрессованными в своего рода монолит, далеко не всегда поддающийся “расслоению”. Однако, если процесс этнообразования бывает сокрыт от исследователя или затруднен для изучения, то процессы “этноразложения” идут буквально на наших глазах и не заметить их нельзя. Автор также достаточно детально описывает современные сдвиги в материальном комплексе эвенов, поэтому содержание монографии много шире ее названия, и это несовпадение, по-видимому, можно объяснить стремлением Е.К. Алексеевой позиционировать эвенов как этнос все же традиционный, а отнюдь не модернизирующийся, как это следует из фактического материала.

Действительно, “привязка” к заявленному в названии книги отрезку времени, призванная, как мы полагаем, подчеркнуть культурную самобытность народа, находится в противоречии с множеством фактов, которые говорят сами за себя и свидетельствуют, что эвены Якутии, как и другие коренные этносы, не застыли в некоей абстрактной традиционности, а развиваются и меняют этнический облик. Так, много внимания в книге уделено описанию традиционных эвенских жилищ, между тем заканчивается раздел характерным выводом: “Но основным видом временного жилища у эвенов-оленьеводов в настоящее время является двускатная палатка, вошедшая в обиход в 1960-е гг.” (с. 32). Тем более, нужно учитывать, что оленеводством сейчас занимается лишь незначительная часть коренного населения, все же остальные представители описываемого этноса проживают в обычных домах. Например, в Магаданской обл. к началу 2005 г. лишь 123 аборигена (что составляет примерно 9% работающих и 4% трудоспособных лиц) были заняты в оленеводстве. Полагаем, что сходная ситуация сложилась и в соседней Якутии.

Этнокультурные сдвиги выпукло прослеживаются и на примере эвенского “гардероба”, большинство из приведенных в книге его образцов – это именно современные изделия, сшитые как “вариации на тему” распашного кафтана и передника как наиболее ярких и, как принято говорить, этномаркирующих признаков. Нам уже неоднократно приходилось писать об эволюции эвенской одежды, вызванной использованием новых, нетрадиционных материалов; влиянием межэтнических контактов; утратой мастерицами сложных техник и переходов на более простые (Хаховская 2007). Развитие одежды эвенов от традиционных образцов к современным идет в направлении изменения способа кроя, технологии и техники пошива и украшения. Традиционный крой эвенских кафтанов, например, сложился под влиянием двух основных факторов: достижения наиболее рационального способа использования оленьей шкуры и функциональной приспособленности к верховой езде на олене. В настоящее время мастерицы не придерживаются этого кроя, особенно если кафтан шьется из ткани. Материал в этом случае уже не диктует свои “правила”, да и одежда уже не используется для передвижения верхом. Поэтому все зависит от умения, опыта и фантазии швеи. При пошиве передников, капоров идет замена традиционной техники последовательного приращения тонких декоративных полос мелкой разработки (кожно-меховая аппликация, мозаика, прорержка, вышивка подшейным волосом и т.д.) на шитье крупными деталями, как правило, украшенными сплошным бисерным узором.

В представленных в монографии образцах эвенской одежды также можно без труда усмотреть влияние эстетических норм, технологий и приемов пошива и украшения, применявшихся при изготовлении якутских шуб и курток, корякских малахаев, европейских лосин, жилеток и юбок (цветная вклейка). Совершенно очевидно, что большая часть этих изделий шита не для повседневного ношения, а именно в демонстрационных целях. Тем не менее весь этот достаточно эклектичный набор одежды в исследовании представлен как эвенский традиционный костюм, что, по нашему мнению, объясняется обратной “иррадиацией” этнической принадлежности хозяев материальных объектов на интерпретацию их культурной принадлежности, что в

литературе и в жизни встречается достаточно часто. Любой исследователь, конечно, сталкивался с ситуацией, когда вещь, аутентичная вполне конкретной этнической культуре, интерпретируется на основании не происхождения, а владения и бытования.

Остановимся на сюжете, который касается связи современного гардероба эвенов с одеждой древнего прибайкальского населения, реконструируемой по археологическим данным. Основное внимание при этом приковано к нагруднику (точнее эту деталь одежды следует называть передником), так как расположение некоторых мелких подвесок в соответствующих погребениях приводит исследователей к утверждению о существовании в древности одежды, совпадающей “с формой нагрудника и орнаментом его у современных тунгусов” (с. 84). Речь, конечно, идет не об орнаменте, а именно о топографии подвесок, часть из которых, если следовать логике сторонников данной гипотезы, околесничала подол этой одежды. Поэтому встает важный вопрос о длине нагрудника. Е.К. Алексеева здесь сама себе противоречит, отмечая, что “он... свисал до живота” и что “длинной был обычно до колен” (с. 84). Дело же заключается в том, что у эвенов бытовали составные передники, которые сшивали из двух частей – верхнего нагрудника и нижнего фартука. А составной эвенский передник развился из цельного общетунгусского путем разделения на нагрудник и широкий фартук, сращивания украшений с основой и перехода на мозаичный принцип нашивания декоративных полос (*Хаховская, Будникова* 2001: 159). Произошло же это, судя по всему, в недавнем этнографическом прошлом. Поэтому проводить аналогии с одеждой почти трехтысячелетней давности, может быть, и излишне.

Работа, к сожалению, не свободна от целого ряда недостатков. Не всегда корректно автор проводит типологический анализ материальной культуры. Характеризуя эвенские кафтаны, она выделяет два их типа: “кафтан с хвостом и двухклинный” (с. 82). Но детали, на основании наличия которых проведена классификация, отнюдь не взаимоисключающие. Здесь следовало бы разобраться, что такое “хвост” эвенского кафтана – элемент кроя или украшения. Укажем и на весьма серьезный просчет автора – на основании сходства эвенского и юкагирского гардероба Е.К. Алексеева делает заведомо ошибочный вывод о “генетическом родстве этих народов” (с. 79, 118).

Далее неверно утверждается, что “тип наземного жилища (чум с остовом из двух частей) характерен для северо-восточных палеоазиатов” (с. 114) (непонятно, что это за остов из двух частей, так как в разделе о жилище речь об этом не шла). Затем автор дает описание пяти различных типов скорняжного инвентаря эвенов, тогда как, описывая процесс выделки шкур, упоминает только три (*кочай, кэрдэ и нюливун*) (с. 81). Между тем для эвенов как раз гораздо более характерными были скребки типов *о (у)* и *чучун*. По нашему мнению, типологически первоначальным скорняжным инструментом эвенов, изготовленным из металла, и был скребок *о*, который, в зависимости от формы и остроты лезвия, мог иметь и расширенную функцию, и использоваться как на первой, так и на второй стадии обработки шкур (*Хаховская* 2004: 228).

Имеет место некорректное заимствование из текста монографии “Юкагиры” с искажением первоначального смысла (с. 99). Автор не всегда представляет полные материалы по рассматриваемому вопросу, не удается ей избежать и досадных неточностей. Например, сведения о численности эвенов ограничиваются данными переписи 1989 г. (с. 5). Но хорошо известно, что к 2002 г. их число возросло более чем на 2 тысячи человек, при этом в Якутии – почти на 3 тысячи. Говоря об эвенской этнонимии, Е.К. Алексеева не называет такой термин, как *тунгус*, который широко употреблялся в досоветской практике и в первые годы советской власти. В составе эвенской утвари упоминаются тазы и корыта “для стирки” (с. 60, 62), но стирка в традиционной культуре эвенов не зафиксирована, насколько нам известно, ни одним источником.

Со ссылкой на Я.И. Линденау автор утверждает, что охотские эвены употребляли в пищу мясо кита (с. 75), тогда как в первоисточнике речь идет о рыбе кете. Яранга почему-то названа “постоянным стационарным жилищем” (с. 29); эвенская верхняя одежда – “паркой” (с. 80); пишется о “наконечниках” (а не о клинках) ножей (с. 63, 64). Утверждается, что “вся посуда изготовлялась из дерева” (с. 59), тогда как среди кухонной утвари были широко представлены изделия из кости, рога, бересты, о чем далее пишет и сама Е.К. Алексеева (с. 62, 63). В раздел “Покупная утварь” попали коврики, подстилки, сумки и другие предметы из меха и кожи (с. 65, 66). Непонятно также, как можно мастерить предметы из дерева “путем выдавливания” (с. 60), как может “осыпаться край” у меховой и ровдужной одежды (с. 82).

В целом же монография представляет собой достаточно добротное исследование, в котором автор обобщает имеющиеся сведения по тем аспектам материальной культуры эвенов, в которых принято видеть “традиционность”, и вводит собственный полевой материал, отмеченный

подобной же избирательностью. Очевидно, что, помимо научных задач, перед автором стояла цель подтвердить существование в прошлом и наличие в современности элементов архаичного жизненного уклада, который, хотя и не присущ сегодня большинству коренных жителей, является все же одним из оснований этнического самоопределения.

Литература

Хаховская, Будникова 2001 – Хаховская Л.Н., Будникова С.В. Эвенские передники: традиции и инновации // Диковские чтения: Матер. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 159–167.

Хаховская 2004 – Хаховская Л.Н. Металлические скребки эвенов Магаданской области // III Диковские чтения: Матер. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской обл. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 227–234.

Хаховская 2007 – Хаховская Л.Н. Одежда эвенов Якутии // *Бокова Е.Н.* Эвенские узоры: Метод. пособие. Магадан: Новая полиграфия, 2007. С. 27–38.